

Сейфулла Асадуллаев

Русское слово в литературной картине Азербайджана

Studia Rossica Posnaniensia 31, 55-64

2003

Artykuł został zdigitalizowany i opracowany do udostępnienia w internecie przez Muzeum Historii Polski w ramach prac podejmowanych na rzecz zapewnienia otwartego, powszechnego i trwałego dostępu do polskiego dorobku naukowego i kulturalnego. Artykuł jest umieszczony w kolekcji cyfrowej bazhum.muzhp.pl, gromadzącej zawartość polskich czasopism humanistycznych i społecznych.

Tekst jest udostępniony do wykorzystania w ramach dozwolonego użytku.

РУССКОЕ СЛОВО В ЛИТЕРАТУРНОЙ КАРТИНЕ АЗЕРБАЙДЖАНА RUSSIAN WORD IN LITERARY PICTURE OF AZERBEYDZHAN

СЕЙФУЛЛА АСАДУЛЛАЕВ

ABSTRACT. On the grounds of investigating considerable lexicographical material the paper analyses the usage of labels appearing in contemporary Russian language dictionaries. As the original sources the article enlists *The Russian Dictionary*, edited by A.P. Yevgenyeva, two editions of S.I. Ozhegov's *Dictionary of the Russian Language, Changes in the end of 20th century* by G.N. Skluarevskaya, *The Stylistic Dictionary* by G.Y. Solganic and *The Russian Defining Dictionary* by V.V. Lopatin and L.E. Lopatina.

Сейфулла Асадуллаев, Бакинский государственный университет, Баку, Азербайджан.

*Передо мной страна волшебной красоты,
Здесь небо ясное, здесь так прекрасны лица.*

А. Мицкевич, из сонета *Пилигрим*

Эти прекрасные поэтические строки А. Мицкевича, классика польской поэзии, певца свободы, я прочитал на русском языке и благодаря русскому слову и „волшебная красота” страны, и ее „ясное небо”, и „прекрасные лица” ее людей, и высокая поэтическая мысль, и возвышенно-благородная интернациональная идея великого поэта из „вещи в себе” превратились в „вещь для нас”, для меня, в частности, стали моим достоянием, частью моей духовной жизни.

Слово творит чудеса. Потому что: „В начале было Слово. Слово было у Бога. Слово Бог”. С божьего Слова все и началось. Люди стали понимать друг друга, народы общаться между собой. С божественного Слова началась цивилизация и культура, оно послужило „точкой отсчета перехода пред-человечества в человечество” (Е. Евтушенко). Оно стало средством выражения мысли и чувства и одновременно орудием воздействия на умы и чувства людей, формирования у них определенных мнений, взглядов, убеждений, концепций, позиций, вкусов...

„Слово” по своей сущности категория историческая и философская. Оно связано и родственно с понятием „Логос” – одним из основных понятий древнегреческой философии, что одновременно означает „Слово” („предложение”, „высказывание”, „речь”) и „смысл” („понятие”, „суждение”, „основание”). Введенный Гераклитом, термин „Логос” означает универсальную осмысленность, ритм и соразмерность бытия, тождественную первостихию огня. В стоицизме – эфирно-огненная душа космоса и совокупность формирующихся по-

тенций (семенные Л.), от которых в инертной материи „зачинаются” вещи. В христианстве отождествлен со 2-м лицом Троицы.

Пушкин, улавливая поэтической интуицией родственность понятий „Слово” и „Логос”, как первостихии огня, как огненную душу космоса, призывал „глаголом жечь сердца”, а М. Пришвин, великолепно чувствовавший силу слова и живую душу природы, утверждал: „Надо уметь говорить так, чтобы от твоих слов росли деревья”.

„Слово” – одна из основных единиц языка, служащая для именования предметов, лиц, процессов, свойств. Оно же исторически означало жанр античной, византийской и древнерусской ораторской прозы и письменности, например, *Слово о законе и благодати* Иллариона (XI в.), *Слово о полку Игореве* (XII в.). Это жанровое определение „Слово” сохранило свое значение и в современной литературе.

Слово-язык выполняет различные функции: самовыражения или симптоматическую и сигнализацию. „Этими двумя функциями обладают языки всех животных и все лингвистические феномены”, – пишет К. Поппер, утверждая, что „двумя самыми важными высшими функциями человеческих языков являются дескриптивная и аргументативная”, которые он называет „самыми важными творениями человеческой деятельности”. Далее Поппер продолжает: „Вместе с дескриптивной функцией человеческого языка возникает регулятивная идея истины, то есть идея описания, которое упорядочивает факты”¹. Указывая на роль языка в становлении науки, научного мышления, Поппер, однако, упускает из виду эстетическую функцию языка, где каждое слово само по себе, по своему звучанию, красиво и выражает также эстетический потенциал как окружающей природы, так и очеловеченной действительности.

Осмыслению этого эстетического свойства языка-слова мы во многом обязаны Г. Лессингу, впервые доказавшему в своем знаменитом трактате *Лаокоон или о границах между живописью и поэзией* преимущество искусства слова перед другими видами искусства, его безграничные возможности в изображении жизни и человеческого характера в динамике, движении, во времени, неисчерпаемое богатство, широкий спектр изобразительно-выразительных средств поэзии, т. е. художественной литературы.

На два столетия раньше Лессинга великий азербайджанский поэт Физули (XVI в.) писал, что скатерть его поэтического Слова так богата, что чем больше берут оттуда, тем богаче она становится.

Однако в нашем случае речь идет конкретно о русском слове, причем не в его полисемантически-многозначных аспектах и не в широком научно-культурологическом контексте, а в конкретном, литературно-художественном значении, т. е. о словесном искусстве, его безграничных изобразительно-выразительных возможностях, жанрообразующих свойствах, о словесно-поэтиче-

¹ К. П о п п е р, *Логика и рост научного знания*. В: его же, *Избранные работы*, Москва 1983, с. 455–456.

ских образах, о его тесной связи с изменяющимся миром и зависимости от этого мира, о его функциональных возможностях в разных исторических эпохах и своеобразии восприятия, рецепции его читательской массой в разные периоды общественной жизни, о бытовании его в разной, „чужой”, другой национальной среде.

Художественная литература любого народа всегда, изначально национальна, неповторима. В отличии от всех других отраслей человеческой деятельности художественная литература выражает национальный дух и общественное сознание народа. По словам И. Бехера, „литература для народа – вопрос жизни и смерти. Литература – высокоразвитый орган самопознания и самосознания народа... Литература обращается ко всему человеку, она способна потрясти и преобразовать всего человека до самых глубин его существа, до сфер бессознательного и подсознания...

Литература воплощает в своих образах основные тенденции исторического развития, национальные интересы своего времени; великое и непреходящее в жизни народа она лучше всего сберегает тем, что показывает ему то великое и непреходящее, что заключено в настоящем. Нет национальной политики без национальной литературы”².

Вот в такую сугубо национальную сферу, в сокровенную область духовной жизни народа врывается „чужое” слово, русское слово, в виде художественной литературы. Что несет оно, русское слово, в инонациональную литературу, какую эстетическую миссию выполняет? Какие идеи, мысли, какую концепцию мира и человека? Если есть возвышенно гуманистические, созидательные, учительские идеи и тенденции, то любая национальная литература, как принимающая сторона, широко открывает ворота этому чужому слову, охотно и с пользой для себя воспринимает его, с условием, если она сама, в силу своего определенного развития, готова к восприятию чужого влияния на собственной национальной почве, творчески осваивает, делает их собственным достоянием – согласно всеобщему закону литературных взаимодействий и, в частности, теории А. Веселовского „встречного потока”.

Здесь действует также подсказанный определенной исторической ситуацией другой всеобщий закон – закон терпимости любого национального языка к „чужому” слову, в данном случае, к русскому слову, воспринимая которое включает в состав собственной лексики, „переваривает” и подчиняет собственным грамматическим нормам, делает его „своим”, предоставляет ему право гражданства на бытование в данном национальном языке.

Существенным фактором является и то, что русское литературное слово „рождается” в национальной литературе представителями собственной нации – речь идет о русскоязычных писателях.

Проблематика нашей конференции подсказывает рассмотрение вопроса также в аспекте межнациональных литературных связей. А в основе этого

² И. Б е х е р, *О литературе и искусстве*, Москва 1981, с. 28–29.

всемирно-глобального процесса лежит художественный перевод, с которого все и начинается. Благодаря русскому слову и через русское слово азербайджанская классическая и лучшие образцы современной литературы стали достоянием читателей на всем огромном пространстве бывшего Советского Союза и многих стран мира, в результате чего азербайджанская национальная литература включилась в общемировой литературный процесс в качестве его составной части, а мировая литература в ее лучших, вершинных, классических образцах стала достоянием азербайджанских читателей. Через русское слово мы освоили гениальные творения А. Пушкина и Н. Гоголя, Ф. Достоевского и Л. Толстого, А. Чехова и А. Блока, М. Горького и М. Шолохова. Русское Слово сделало нашим достоянием гомеровские эпосы, сонеты А. Петрарки, В. Шекспира и А. Мицкевича...

Считаю целесообразным вкратце остановиться на истории переводов *Крымских сонетов* А. Мицкевича на русский язык, а затем – и на азербайджанский.

Благодаря русскому Слову, русскому переводу сонеты Мицкевича стали известны России первой половины XIX века. Вот мнение Пушкина: „Читал неплохие переводы из *Крымских сонетов* Мицкевича А.Д. Илличевского, опубликованные в *Северных цветах* на 1828 год”. И дал самую высокую оценку и личности, и сонетам Мицкевича в своем *Сонете*. *Суровый Дант не презирал сонета...*, где особо выделил сонетный талант автора:

Под сенью гор Тавриды отдаленной
Певец Литвы в размер его стесненный
Свои мечты мгновенно заключал.

Еще в декабре 1826 года в Москве вышли в свет на польском языке *Сонеты* великого польского поэта Адама Мицкевича, и буквально через полгода в „Московском телеграфе” появились русские переводы, выполненные П. Вяземским и И. Дмитриевым. „Влияние *Сонетов* Мицкевича на русский сонет и шире – на русскую поэзию неоспоримо – пишет Борис Романов. – Особенно заметным было влияние *Крымских сонетов*, которые в разное время переводили М. Лермонтов, А. Фет, В. Бенедиктов, А. Майков, К. Бальмонт, И. Бунин, В. Ходасевич, а в советские годы – О. Румер, В. Левин, А. Ревич и другие поэты. Бунин, в частности, впервые обратился к жанру сонета, переводя сонеты польского поэта Адама Асныка. Затем переводит, и переводит блестяще сонеты Петрарки, Леконта де Лиля, Мицкевича. Увлечение Бунина Мицкевичем было серьезным, и переводы трех его сонетов, ставшие классическими, он неизменно включал в свои книги”³.

Крымские сонеты Мицкевича оказали заметное влияние также на развитие азербайджанского сонета. Переведенные в 1998 году на азербайджанский язык поэтом Сабиром Рустамханлы (с русского языка), они, как и другие произведения „певца свободы”, наряду с переводами сонетов Шекспира, дали се-

³ *Русский сонет. Сонеты русских поэтов XVIII – начала XX века*, Москва 1983, с. 22.

рзезный стимул к развитию жанра сонета в азербайджанской поэзии рубежа веков. Правда, Рустамханлы не удалось сохранить принцип рифмовки в катренах (авва) Мицкевича, кроме того допустил некоторые существенные смысловые искажения, но тем не менее появление *Крымских сонетов* на азербайджанском языке стало поэтическим событием, свидетельством духовной и культурной связи между азербайджанским и польским народами. И это, конечно, через посредство русского слова...

Художественный перевод выступает как один из элементов взаимодействия: столкновений культур, языков в частности. В то же время „Известные каждому переводчику обычные трудности заключаются в том, что может оказаться невозможным эстетически адекватный перевод. Однако это не означает, что невозможен любой перевод данного высказывания”⁴. При переводе „мы сравниваем и сопоставляем новый язык со своим собственным или с другими хорошо знакомыми нам языками. При сравнительном изучении языков собственный язык, как правило, используется в качестве метаязыка, то есть языка, на котором обсуждаются и сравниваются другие языки. Последние представляют собой исследуемые объекты, причем в их число входит и наш собственный язык”⁵, что стимулирует и развитие собственного национального литературно-художественного языка, выявляя его скрытые выразительные возможности, вбирая в себя, таким образом, все богатство мысли и идей, образов и сюжетов русской и мировой литературы.

Русское художественное слово заняло важное и прочное место в азербайджанском литературном пространстве, способствуя созданию творческой атмосферы взаимного влияния и взаимного обогащения национальных литератур. Ярким примером этому могут служить, например, перевод А. Адамлис на русский язык стихотворения С. Вургун *Азербайджан* – этого поэтического гимна, и его же перевод на азербайджанский язык романа в стихах Пушкина *Евгений Онегин*. В обоих случаях русское художественное слово органически входит и хорошо вписывается в литературную картину Азербайджана. В первом случае на русском языке блестяще передается национальный дух и колорит творчества Вургун:

Я ходил по горам, я глядел меж лугов
В журавлиные очи родных родников;
Издалека выслушивал шум тростников
И ночного Аракса медлительный ход...
Здесь я дружбу узнал, и любовь, и почет.
Можно ль душу из сердца украсть? – Никогда!
Ты дыханье мое, ты – мой хлеб и вода!
Преодо мной распахнулись твои города.
Весь я твой. Навсегда в сыновья тебе дан,
Азербайджан, Азербайджан!

⁴ К. Поппер, ук. соч., с. 77.

⁵ Там же, с. 580.

Во втором, Вургуном с великим мастерством передается на родном языке все богатство, смысловые нюансы и оттенки пушкинского поэтического слова, национальный дух и колорит творчества русского поэта. То же самое можно сказать о переводе на азербайджанский язык стихотворения Пушкина *Кавказ* и о многих других переводах.

На русском художественном слове поэтическому мастерству учились не только переводчики, но и азербайджанские поэты и прозаики. Совсем недавно народный писатель Азербайджана Иса Гусейнов в интервью, данном в связи с его 75-летием, на вопрос: „А кого признаете из мировой или русской литературы?“, – ответил: „С любовью читал Толстого, Достоевского, Тургенева, из французской «натуральной» школы вначале был просто влюблен в Бальзака, Мопассана, Золю и других писателей. У них учился технике и поэтике романа. Но потом, в профессиональный период своего творчества, нашел свой путь и по этому же пути двигался вперед”⁶. Подобные слова могли бы сказать многие азербайджанские писатели, прошедшие школу художественного мастерства у своих русских и европейских собратьев по перу.

Благодаря такому столкновению языков и литератур, взаимной учебе азербайджанских и русских писателей, в том числе и через перевод, возникло уникальное явление – русский язык стал родным или вторым родным языком для азербайджанских русскоязычных писателей – феномен билингвизма. Например, Чингиз Гусейнов, автор ряда романов и повестей, свободно пишущий на азербайджанском и русском языках, сам же переводит свои произведения с азербайджанского на русский язык. Свой роман *Магомед, Мамед, Мамши* (1975) он сопровождал такой припиской: „Роман... в собственном переводе автора с родного азербайджанского на родной русский”.

Русское слово особенно почиталось азербайджанскими писателями начиная со второй половины XIX и на протяжении всего XX века. Литературная картина Азербайджана в этом отношении выглядит весьма богато и красочно. Русское слово входило в эту картину, утверждалось в ней разными путями, писателями разных языковых и национальных принадлежностей. Здесь можно предложить приблизительно следующую градацию:

1. Творчество писателей неазербайджанцев, представителей других национальностей – русских, евреев, армян и других, живших и живущих в Азербайджане, естественно, создававших и создающих свои произведения на русском языке (С. Иванов, И. Оратовский, А. Плавник, В. Зайцев, М. Петраков, В. Константинова, А. Халдеев, Н. Хатунцев, И. Третьяков, Е. Войсунский, И. Каменкович, А. Лернер, Л. Полонский и многие другие).

2. Азербайджанские двуязычные писатели, пишущие на родном и на русском языках (И. Касумов, Г. Сеидбейли, Ч. Гусейнов и другие).

3. Русскоязычные азербайджанские писатели, пишущие только на русском языке (братья М. и Р. Ибрагимбековы, Ч. Абдуллаев, М. Векилов, Н. Расулзаде, С. Мамедзаде и др.).

⁶ „Ядыбийат гязети” 2003, 13 июня.

Творчество всех перечисленных поэтов и прозаиков, за редким исключением, органически связано с Азербайджаном, отражает социальные, морально-этические проблемы страны, жизнь, быт, обычаи и традиции азербайджанского народа, повествуя о жизни и характере своих современников. Представители каждой из названных категорий писателей вносили и продолжают вносить свою лепту в развитие азербайджанской литературы, обогащая ее своими темами и сюжетами, неповторимым стилем, собственной манерой письма, порою и новой жанровой формой. Многие из них, например, И. Третьяков и С. Мамедзаде переводили и продолжают переводить на русский язык произведения своих собратьев по перу, пишущих на азербайджанском языке.

Третьяков, ветеран Второй мировой войны, пишет исключительно на военную тематику и, наряду с писателями-азербайджанцами, писавшими на тему войны, внес значительный вклад в развитие азербайджанской военной прозы (*Голубой цвет надежды, Пиадский перевал, Цветы и мины, Кровь стекает в Дунай, Вечный лейтенант* и многие, многие повести и рассказы).

Романы и повести Ч. Гусейнова отличаются своеобразным, весьма оригинальным стилем, сюжетными ходами и композиционными приемами, манерой повествования „со сновидениями, их разгадкой, сентиментальными отступлениями, с эпилогом, похожим на пролог”, – как пишет автор, характеризуя жанровые особенности романа *Магомед, Мамед, Мамиш*, проникая в область глубинной психологии своих героев и в таких своих произведениях, как *Не назвался, Семейная тайна, Фатальный Фатали, Доктор Н.* и других.

Чингиз Абдуллаев, самый плодовитый и всемирно известный писатель, юрист по образованию, обогатил азербайджанскую литературу новыми жанрами – детективным романом, художественным исследованием деятельности Интерпола (*Голубые ангелы, Почти невероятное убийство, Смерть банкира* и др.), а также романом-исторической хроникой *Заговор в начале эры*, повествующей о кризисе власти и духовной жизни в Римской республике в I веке до н. э., где читаем „от автора”: „Под влиянием непримиримых классовых противоречий между угнетателями и угнетаемыми, имущими и неимущими разложение общества достигло наивысших пределов, моральные устои были повержены в прах, непримиримая римская нравственность сменилась неслыханным развратом. Общество, лишенное главных нравственных ориентиров, основанное на ложных моральных устоях и идеалах, неизбежно переживает процесс моральной деградации, стремительного разложения целого государства и народа. Общая атмосфера безнравственности, вседозволенности, распущенности неизбежно порождает заговоры. Заговоры против человечности. Сейчас, в XXI веке, нелишне вспомнить суровый урок-предупреждение, полученное человечеством еще в канун нашей эры”⁷.

⁷ Ч. Абдуллаев, *Заговор в начале эры*, Москва 2002, с. 5.

„Самые известные персонажи древнеримской истории становятся героями захватывающего боевика, в котором автор проводит аналогии с современным обществом”, – пишется в аннотации к книге.

Широко известные прозаики братья М. и Р. Ибрагимбековы также принесли в азербайджанскую литературу новую струю, новую жанровую форму – городскую прозу. В повестях ...*И не было лучше брата, Кто поедет в Трускавец, История с благополучным концом*, в рассказе *В один прекрасный день* и многих других М. Ибрагимбекова. *На 9-й Хребтовой, Деловая поездка, Парк, Допрос, Структура момента, Солнечное сплетение* Р. Ибрагимбекова реалистически достоверно, с психологической убедительностью описаны социально-бытовые реалии современного Баку, его национальный колорит, жизнь, традиции и обычаи бакинцев – героев их многочисленных произведений. А свою книгу *Солнечное сплетение* Р. Ибрагимбеков назвал „бакинской сагой”. Братья Ибрагимбековы работают также в жанре драматургии. В числе лучших и широко известных можно назвать психологические драмы *Мезозойская история* (М. Ибрагимбеков), *Женщина за зеленой дверью, Похожий на льва, Прикосновения* (Р. Ибрагимбеков) и многие другие „городские” драмы.

Особое место в азербайджанской литературе второй половины XX века занимают прозаики, драматурги-киносценаристы и публицисты Имран Касумов и Гасан Сеидбейли – писатели двуязычные, написавшие также совместно ряд талантливых произведений. Например, *На дальних берегах* (1953–1954) – роман о мужестве, о патриотизме азербайджанца Мехти Гусейнзаде (*Михайло*), самоотверженно воевавшего в составе Итальянского Сопротивления против немецких фашистов в годы Второй мировой войны на берегах Адриатики, где героически погибает, а также исторический роман *Годы идут* (1967).

У каждого из этих двуязычных писателей имеются, конечно, и свои, собственные произведения – пьесы *Море любит отважных* (1953), *Зачем ты живешь?* (1959), *Заря над Каспием* (1951), *Шире круг* И. Касумова, посвященные в основном теме нефти и бакинских нефтяников, а теме войны у Г. Сеидбейли – повести *Сельский врач, У нас в Астаре, Телефонистка* и др.

Как киносценарист и режиссер Г. Сеидбейли были „созданы лучшие в истории азербайджанского киноискусства фильмы – *Ее большое сердце, Телефонистка, а На дальних берегах* и *Насими* – вершина творчества Гасана Сеидбейли, принесшие ему славу”⁸.

Особо следует подчеркнуть, что представители всех указанных нами категорий русскоязычных и двуязычных писателей учились в русских школах Баку, прошли московскую школу художественного мастерства, тем не менее русское слово, с которым они работали и продолжают работать, не только не лишило их творчество национальной почвы, а, наоборот, помогло сохранить национальный дух и национальный колорит.

⁸ Ф. В е л и х а н о в а, *Русскоязычная проза Азербайджана*, Баку 1999, с. 43.

Таким образом, русское слово в широком понимании его – и в художественной литературе, на радио и телевидении, в прессе, публицистике заняло прочное место на литературно-культурном пространстве Азербайджана советского периода как большая и равноправная область азербайджанской литературной и культурной жизни.

Но мир перевернулся, изменились времена и нравы, общественные идеалы и ориентиры. После введения в Баку русского карательного войска 20 января 1990 года и дикой расправы с мирным населением, после армянской агрессии в Нагорном Карабахе при поддержке российских войск и особенно после распада Советского Союза и приобретения Азербайджаном государственного суверенитета изменилось и отношение к России и, соответственно, к русскому слову. Психологически шоковое состояние породило в умонастроении многих азербайджанцев, особенно ряда „национал-патриотов” дух отрицания, нигилизма по отношению ко всему русскому и, конечно, к русскому слову, русской литературе, порою даже по отношению к творчеству собственных национальных писателей и в первую очередь – русскоязычных.

...все мы живем в стране с невероятно ответственным (на протяжении тысячелетия) отношением к письменному слову (оно и мыслилось веками с большой буквы – как евангельское Слово). Это вектор российской истории, ее родовая отметина. В развитие языка наши предки вложили большую часть созидательной энергии... Налицо сегодня одно: чудовищное недоверие к написанному, напечатанному, брошенного с экрана слову... Общее недоверие к писательскому Слову и, что страшнее, слову вообще... Утрата веры в письменное слово – одна из самых фундаментальных утрат нашего времени, она поставляет нас на грань бессловесности⁹.

„Изгнание слова” – так назвали свое обращение к общественности России преподаватели литературы в школе¹⁰.

С такой слишком пессимистической оценкой сегодняшнего столетия в России не согласен критик Л. Аннинский, который замечает:

Энергия Слова сейчас не исчезла вовсе, просто перешла в публицистику, историософию, криминально-детективную информатику, пародийную развлекаловку... Рухнула только высокая учительная проза... Есть Слово, и есть словесность. Слово никуда не денется, оно в начале, оно было у Бога, оно Бог...¹¹

Думаю, что воспрянет и „высокая учительная проза”, но, конечно, уже не прежняя, советского образца, а литература новой эпохи – каждая эпоха рождает свою литературу.

Меняются времена, идеалы и меняется отношение к слову. Дух отрицания и нигилизм по отношению к русскому слову и русской литературе в Азер-

⁹ А. Ш и р о к о в, *На пороге дурной бесконечности*, „Литературная газета” 2002, № 26, 26 июня–2 июля.

¹⁰ „Литературная газета” 2002, № 33, 14–20 августа.

¹¹ „Литературная газета” 2002, № 13, 3–9 апреля.

байджане уже отступают, начинается новая волна живого интереса к ним. Функционируют все русские школы и русские отделения в вузах Республики, Бакинский Славянский университет. Русское слово звучит на радио и экранах телевидения. В Азербайджане издаются более пятисот газет, более десяти из них выходят на русском языке, а те, которые печатаются на азербайджанском языке, периодически помещают материалы на русском языке. Орган правящей партии газета „Новый Азербайджан” теперь выходит с еженедельным приложением „Сегодня” на русском языке в 8 страницах большого формата, где печатаются также художественно-литературные и литературно-критические материалы. Регулярно выходит на русском языке ежемесячный журнал Союза писателей „Литературный Азербайджан” (главный редактор талантливый русскоязычный поэт Мансур Векилов), на страницах которого печатаются как оригинальные произведения русскоязычных писателей Азербайджана, так и произведения азербайджанских писателей в русском переводе. На русском языке издаются как литературоведческие труды азербайджанских ученых-филологов, так и научные исследования специалистов других отраслей, политическая литература, различного рода справочники, словари и многое другое.

Азербайджанский язык у нас в Республике является государственным языком, но и русскому слову, художественному слову прежде всего, открыт широкий простор. Ни один из этих языков не притесняет и не ущемляет интересы другого, скорее наоборот, их взаимодействие способствует обогащению и развитию обоих языков, синтезу литературных и культурных традиций и достижений на уровне западно-восточного синтеза. Есть для этого убедительные исторические прецеденты – столкновение и взаимодействие мировых культур. К. Поппер пишет: „Хорошо известна та роль, которую столкновение культур играло в возникновении греческой науки – математики и астрономии (греческое чудо – С.А.). Можно даже указать тот путь, на котором разнообразные столкновения приносили свои плоды. К этим истокам можно возвести все наши идеи свободы, демократии, терпимости, равно как и идеи познания, науки, рациональности”¹².

На этом пути развивается современная азербайджанская литература, сохраняя традиционное творческое содружество с русским художественным словом и обогащая литературную картину нынешнего Азербайджана.

¹² К. П о п п е р, ук. соч., с. 566.